

А. Б. Арбеков (Тула)

**РОЛЬ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ (АТТАШЕ)
В АНГЛО-РОССИЙСКОМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ
НА ВОСТОКЕ В КОНЦЕ 70-х гг. XIX ВЕКА
НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. П. ГОРЛОВА**

СЕГОДНЯ В СВЯЗИ с обострением международной обстановки в мире вновь становятся актуальными сюжеты богатого исторического прошлого России, связанного с проблемными точками взаимодействия с западными странами. Особый интерес вызывает, с исследовательской точки зрения, деятельность военных агентов (атташе. — А. А.), которые нередко оказывали значительное влияние на ход политических событий. Так называли офицеров, официально аккредитованных в иностранных государствах для наблюдения за состоянием их вооруженных сил, системы национальной обороны и развитием оружейной промышленности. В их задачи не входил поиск секретной или недоступной в открытых источниках информации, так как особый дипломатический статус не позволял им открыто заниматься ее сбором. Как и другие представители официального посольства по обвинению в незаконной шпионской деятельности, они могли быть экстрадированы из страны аккредитации, в том числе и насильственным путем, и оказаться под угрозой лишения свободы¹.

Но нередко военным агентам приходилось на свой страх и риск добывать строго конфиденциальную информацию в интересах своей державы. Показательным эпизодом подобной деятельности стали события англо-русского соперничества на Востоке в 70-х гг. XIX в.

Военным представителем Российской империи в Великобритании с 1873 по 1882 гг., в период напряженных взаимоотношений этих стран, являлся генерал-майор свиты Его Величества

Александр Павлович Горлов — один из ведущих военных специалистов-оружейников в России в последней трети XIX в. Ранее он занимал подобную должность в Северной Америке, где поспособствовал принятию на вооружение российской императорской армии в 1868 г. винтовки Бердана № 1, револьвера Смита-Вессона в 1871 г. и картечицы Гатлинга-Горлова под унитарные металлические патроны.

В середине 70-х гг. XIX в. на Балканском полуострове среди славянских народов вспыхнули массовые антитурецкие восстания, которые были жестоко подавлены оттоманскими войсками. Россия по идеологическим и геополитическим причинам стремилась вмешаться в этот конфликт, так как это, в перспективе, не только могло произвести объединение Балканских государств под эгидой панславизма, но и давало возможность обеспечить российский контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

Высшие военные и политические круги Великобритании, естественно, не считали такую перспективу благоприятной для сохранения могущества своей державы в мире. Премьер-министр от Консервативной партии Б. Дизраэли писал, что завоевание Константинополя российской армией при условии английского попустительства станет «самым унижительным событием...и катастрофическим по своим последствиям»². Во второй половине 70-х гг. британские имперские интересы сосредотачивались в восточных районах Средиземноморья и странах Среднего Востока. Как отмечала Т. Н. Гелла, в широком смысле слова, Восточный вопрос для Англии соотносился не только с судьбой Османской империи и ее обширными владениями на Балканах и в Малой Азии, но и имел отношение к странам Центральной Азии — Персии, Афганистану и, безусловно, к Индии³. Поэтому правящая Консервативная партия намеревалась изменить ход русско-турецкого противостояния в пользу «больного человека Европы» путем прямого военного вмешательства и старалась скрыть от общественности свои приготовления.

Хотелось бы отметить, что в различных научных трудах посвященных карьере А. П. Горлова, этот период его жизни достаточно подробно освещен исследованиями: Т. Н. Ильиной, И. Б. Пинка, Л. Н. Лисицыной⁴, но данной работой хотелось сделать упор именно на военно-политический аспект его деятельности и ее влияние на англо-русское соперничество на Востоке. Также подобные вопросы уже рассматривались в научных трудах

А. Р. Томила⁵, однако с нашей точки зрения, роль и степень влияния А. П. Горлова на события 70-х гг. XIX в. требуют дополнительного освещения за счет привлечения различной группы источников и возможности их сравнения с документами британских архивов.

Здесь необходимо пояснить, что, не имея до этого опыта работы с крайне специфичной военной организацией, которую представляла собой английская армия Викторианской эпохи, А. П. Горлов демонстрировал прекрасные знания по вопросам логистики, мобилизационных способностей и уровня подготовки британских войск. Это позволяло ему последовательно аргументировать свою позицию в сложных и спорных ситуациях. Но, в связи с обострением российско-британских отношений на фоне Восточного кризиса в середине 70-х гг. XIX в., английское правительство, как отмечал А. П. Горлов в одном из своих многочисленных донесений, стало прямо отказывать «в сообщении каких-либо технических сведений... прекратились приглашения на опыты, учения, смотры и т. п.»⁶, так как «англичане стали называть это шпионством».

Таким образом, прямые каналы информации, за исключением британской прессы, для российского военного агента в Лондоне были полностью отрезаны, и в таких обстоятельствах ему приходилось полагаться на сведения своих конфиденциальных информаторов и корреспондентов, чтобы обеспечить высшее командование Генерального штаба Российской империи точными и достоверными сведениями относительно планов и намерений Великобритании. При этом он выступал не только основным осведомителем, но и действовал в качестве главного аналитика и советчика военного министра России Д. А. Милютина по вопросам потенциального вооруженного столкновения России и Англии на Востоке.

Касаясь вопроса источников получения достоверной информации А. П. Горловым о планах английского командования против России, стоит отметить, что российский военный представитель нередко ссылается на анонимных офицеров, имевших прямое отношение к Разведывательному департаменту Военного ведомства Великобритании (Intelligence Department). Однако очень часто на страницах рапортов российского военного агента в Лондоне, напрямую связанных с детальным изложением сути предполагаемых действий против России, мелькают инициалы

«г. N». Информацию об этом человеке Александр Павлович пытался сохранить в секрете и упоминал лишь его принадлежность к либеральной прессе и причастность к славянским комитетам в Англии.

До недавних пор в работах, посвященных деятельности генерал-майора А. П. Горлова в Лондоне, не указывалась личность загадочного осведомителя российского военного агента. Однако, учитывая данное описание, а также возможность наложения ряда источников⁷, позволяет нам однозначно утверждать, что главным информатором генерал-майора Горлова в разгар Восточного кризиса являлась российская эмигрантка дворянского происхождения Ольга Алексеевна Новикова. К примеру, она имела тесные контакты с У. Гладстоном, лидером либеральной партии, оппозиционной действующему правительству, и получила в Англии прозвище среди современников — «представитель Парламента от России». Как писала И. Р. Чикалова, «дружба Новиковой с Гладстоном во многом определила его прославянские симпатии, позицию защитника балканских славян и обличителя турок»⁸. Таким образом, Александр Павлович за счет подобных связей имел возможность получать информацию практически от первых государственных лиц, либо от кругов, тесно с ними связанных. В свою очередь, за счет огромных аналитических способностей и умения грамотно аккумулировать различные данные, он не только поставлял нужную для российского командования информацию, но и вносил определенные конструктивные предложения.

После начала кризиса в Боснии летом 1875 г. Александр Павлович стал регулярно сообщать сведения об агрессивных планах Великобритании, которые англичане мотивировали необходимостью «в строгом охранении Индии и средств сообщения с этой страной, а равно... в надежном обеспечении своего Азиатского положения»⁹. Отмечая опасность потенциального английского нападения, он, в свою очередь, предлагал задуматься военному министру Д. А. Милютину об ответных действиях и нанести удар по британским владениям в районе Малаккского пролива силами российской эскадры в Тихом океане. Последовательно аргументируя свою позицию, Александр Павлович писал: «Колонии эти принадлежат к числу самых богатых колоний Англии. Вследствие чрезвычайно выгодного географического положения морская торговля их огромна...»¹⁰. С его

точки зрения, эти поселения предоставляли многие удобства для атаки с моря российскими военными судами, так как имели слабое оборонительное вооружение и, следовательно, не могли оказывать серьезного сопротивления. «Будучи раскинуты до самой окраины берегов и по островам — они открыты для атаки»¹¹ — заключал генерал-майор А. П. Горлов. Для начала потенциальных операций он предлагал захватить остров Суматру в качестве опорного пункта для «отправления и укрепления» российской армии и флота, а затем уже определить основные точки для удара, которые следует «предать разрушению... бомбардировать... или атаковать открытою силою»¹².

Затем, согласно сведениям А. П. Горлова в июле 1876 г., ожидая возможного появления российских войск у врат Константинополя, британцы планировали отправление броненосного флота в Безикскую бухту и высадку 20-тысячного десанта под командованием лорда Роберта Нэпьера Магдальского, триумфатора абиссинской экспедиции 1867—1868 гг., «на любом пункте архипелага»¹³, как писал в своем дневнике Д. А. Милютин. К этому моменту в Средиземном море уже действительно сосредоточился международный флот, общей численностью — 23 броненосца, для сохранения неприкосновенности проливов на фоне Сербско-турецкой войны, в составе которого находились и 7 английских кораблей. В то же время премьер-министр Дизраэли предлагал в кабинете министров увеличить численность вооруженных сил Великобритании в Средиземном море и при необходимости даже предпринять попытку по захвату турецкого флота и оккупации Константинополя¹⁴.

В связи с новой волной англо-российской конфронтации по восточному вопросу А. П. Горлов вновь предлагал обратить пристальное внимание на британские колонии. Здесь хотелось провести общую черту между точками, предполагаемых генералом Горловым ударов, так как все обозначенные им британские владения имели нестабильную обстановку среди местного населения и на их территории недавно случались акты антиколониальных восстаний. Поэтому неудивительно, что российский военный представитель в Лондоне предлагал бить по самым уязвимым местам британской системы национальной обороны, опираясь на возможность содействия народов, покоренных ранее Англией.

С учетом опыта его предыдущей службы в Северной Америке, он рекомендовал произвести комбинированную атаку силами

российских военных судов по Доминиону Канада и о. Ванкувер и спровоцировать на суше движение ирландских националистов — фениев, давно имевших свои счёты с британским правительством. Это в перспективе позволило бы не только подорвать английскую экономику, но и оттянуть значительные по численности войска, необходимые для защиты британских колоний, которые изначально Консервативная партия стремилась задействовать против России. «В случае нападения нашего флота на Канадские берега и остров Ванкувер или в случае неожиданного движения фениев, положение Канады делается очень щекотливым», — заявлял А. П. Горлов в телеграмме к Д. А. Милютину¹⁵.

Здесь стоит пояснить, что потенциально это мог быть очень удобный отвлекающий маневр со стороны России в случае прямой конфронтации с Англией. Внешние береговые линии британской Канады не имели адекватной защиты от российских крейсеров. Как отмечал канадский исследователь Э. Престон, на западном побережье не было военно-морской базы или обороняемой якорной стоянки ближе, чем Фолклендские острова, чтобы противостоять растущей военно-морской мощи России. Для Англии не существовало возможности оттуда провести железнодорожную или телеграфную связь до Канады, кроме как через территорию США, а тесные российско-американские отношения, укрепившиеся в Крымской и Гражданской войнах, означали, что британский доминион был уязвим для вторжения ирландских националистов, спровоцированных Россией¹⁶.

Долгое время в Англии даже не задумывались о подобном сценарии. Так, британский посол в Вашингтоне, сэр Эдвард Торнтон, только в мае 1878 г. сообщал информацию о том, что некий полковник Берк обязался собрать 6 тыс. вооруженных фениев в США, готовых отправиться на кораблях в любую горячую точку под российские знамена, в случае войны с Англией. При этом Э. Торнтон в телеграмме к министру иностранных дел, лорду Солсбери называл это слухами «совершенно недостойными доверия»¹⁷. Однако, как раз российский военный агент А. П. Горлов писал военному министру Д. А. Милютину, что лидеры ирландского националистического движения в конце 1876 г. обращались к нему лично с предложением сформировать подобный отряд волонтеров в составе российской армии, чтобы сражаться против англичан в Центральной Азии¹⁸. Также генерал-майор Горлов добавлял, что (помимо этого «козыря». — А. А.) в руках

генерал-губернатора в Туркестане К. П. фон Кауфмана и генерала Н. П. Ломакина в Красноводске «имеются средства увеличить до некоторой степени беспокойство на Северо-Западной границе Индии и тем самым уменьшить отправление из Индии военного контингента»¹⁹.

Подобные предложения в целом были своевременны. Так, военная партия при дворе Александра II действительно разрабатывала операции отвлекающего характера, касавшиеся английского господства на морских просторах, как и предлагал генерал-майор Горлов. Военный министр осенью 1876 г. отдал распоряжение отправить в американские порты небольшую флотилию. Основной задачей российских кораблей в случае войны с Великобританией, как отмечал в дневнике Д. А. Милютин, являлось «угрожать ее торговле посредством крейсеров»²⁰. Незадолго до этого, по сообщениям английского военного атташе в Петербурге Ф. Уэлсли, американский министр Бокер был вызван Александром II в Царское Село с целью сделать через него предложение правительству Соединенных Штатов. Император собирался предоставить значительные финансовые льготы американским кампаниям при условии оказания помощи в снаряжении каперов со стороны США для подрыва английской морской торговли²¹. Тем не менее, эти планы так и оказались нереализованными. Российское правительство в очередной раз попыталось мирно разрешить кризис на Балканах и согласилось на проведение Константинопольской конференции в конце 1876 г. для выработки взаимоприемлемого курса действий среди великих держав по восточному вопросу.

Стоит отметить, что сведения и предложения А. П. Горлова ложились не только в планирование потенциальных ударов непосредственно по английским владениям, но и влияли на разработку кампании против Турции, так как военная партия при дворе императора не могла игнорировать вероятность повторения опыта Крымской войны. Ярким тому примером является записка «Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 г.», составленная генерал-лейтенантом Николаем Николаевичем Обручевым, когда все способы дипломатического разрешения конфликта были исчерпаны. В этом документе он прямо указывал на «безусловную необходимость» проведения быстрой операции с захватом Константинополя и утверждением на Босфоре, чтобы предотвратить вмешательства Англии в ход войны. «Если они (англичане. — А. А.) возьмут дело в свои руки,

заблаговременно укрепят Константинополь, снабдят его артиллерией и поддержат его оборону с Мраморного и Черного морей всем своим флотом, то столица Востока может обратиться в такую твердыню, о которую... могут разбиться усилия даже самой могущественной армии», — предостерегал Н. Н. Обручев²². Главным аргументом в пользу подобного образа действий стали сведения А. П. Горлова за январь 1877 г. относительно времени, которое потребуется Великобритании для мобилизации и развертывания своих вооруженных сил против России²³. По его расчетам, Англии для отправления 50—60 тыс. армии понадобится не менее трех с половиной месяцев, поэтому английский десант, «прежде вступления в бой может появиться на театре действий слишком поздно»²⁴, чем Горлов и предлагал воспользоваться.

Однако, к сожалению, эти точные сведения остались без внимания высшего российского командования в лице главнокомандующего действующей армии на Балканах Николая Николаевича Старшего. По сути, до занятия Сан-Стефано царскими войсками в феврале 1878 г., его штабом не предпринимались адекватные меры для противодействия возможной высадке английского десанта²⁵, подготовка к которой в Англии шла полным ходом с конца 1876 г., о чем и сообщал многократно генерал-майор А. П. Горлов.

Например, Александр Павлович докладывал в январе 1877 г. об отправлении миссии инженеров во главе с полковником Робертом Хоумом «для изучения местности вокруг Константинополя и для составления проекта ее укрепления»²⁶. Также он добавлял впоследствии, что вместо лорда Нэпьера в качестве главнокомандующего назначили генерал-лейтенанта Линторна Симмонса, занимавшего на этот момент пост генерал-инспектора фортификаций. Характеризуя его личность, А. П. Горлов писал, что «генерал Симмонс является весьма знающим и энергичным офицером...» и «он будет полезен в случае занятия Галлиполи или Константинополя, те есть, когда экспедиция будет сохранять инженерный характер»²⁷. Очень важно отметить, что с осени 1876 г. генерал Симмонс являлся главным советником действующего правительства Б. Дизраэли по вопросу потенциального столкновения России, регулярно принимал участие в заседаниях кабинета министров²⁸ и лично курировал миссию полковника Хоума²⁹. Тем не менее, согласно исследованиям историка Э. Престона, до отправления этой миссии у англичан не было четкого плана действий на случай войны с Россией³⁰. Поэтому, обращаясь

к британским архивным документам, можно однозначно утверждать, что эта поездка являлась краеугольным камнем в потенциальных планах высшего английского командования.

В качестве операционного базиса инженерами, во главе с полковником Хоумом, предлагалось произвести подготовку укреплений на полуострове Галлиполи около селений Булаир и Буюк-Чекмеджи — в предместье Константинополя. По их расчетам для занятия этих позиций требовалось не менее 70 тыс. англо-индийских войск³¹, не включая еще 10 тыс. для захвата полуострова Галлиполи³². Для англичан решение этого вопроса стало сложной проблемой, так как помимо трудностей с мобилизацией и транспортировкой данного числа войск, требовалось установить не менее 120 орудий крупного калибра³³. Возникла необходимость в строительстве дополнительного железнодорожного сообщения для расположения складов с амуницией вдоль предложенной операционной линии и прокладывании телеграфного кабеля — от Мальты до Крита, для быстрой коммуникации с военно-морскими силами Великобритании в Средиземном море³⁴.

В целом, генерал Симмонс занимал довольно пессимистичную позицию по вопросу благоприятного исхода для Англии подобного рода операций без возможности перехода в активное наступление против российской армии, так как, с его точки зрения, для защиты «только этих позиций потребуются более многочисленные войска, чем может быть направлено из Великобритании сейчас, но даже, если их возможно отправить, это будет совершенно унижительно для британских интересов — просто зарыться в окопах»³⁵. Поэтому вступление Англии в войну против России даже в союзе с Турцией без вмешательства других держав, прежде всего, Австрии, по его мнению, «приведет к осаде Константинополя», и, следовательно, «действия Англии должны зависеть от возможного союза с другими державами»³⁶.

С учетом сложившихся внешнеполитических обстоятельств и сомнений властей в Лондоне о целесообразности вступления в войну с Россией, в преддверии Константинопольской конференции полковник Хоум прямо предлагал «задержать наступление русских до тех пор, пока не появится какой-либо предлог для поддержки турок»³⁷. Для этого, 4 мая 1877 г., на должность военного атташе в Константинополе Военное министерство Великобритании назначило генерал-лейтенанта Колинвуда

Диксона, которого, как сообщал А. П. Горлов, направили «для составления нового соображения на счет теперешних комиссариатских средств Турции и для принятия мер для сосредоточения там всех запасов, нужных для английской армии при предстоящей экспедиции»³⁸. Его задачей, по сути, на раннем этапе русско-турецкой войны стало приведение в порядок системы обороны Османской империи, чтобы максимально осложнить положение российских войск на Балканах и затруднить их движение в сторону Константинополя.

Так, по советам генерала Диксона, оттоманский султан порядился отправить в Варну дополнительные орудия, снабдить провизией на несколько месяцев Шумлу и усилил гарнизоны крепостей дополнительными войсками³⁹. Также британский военный представитель рекомендовал сформировать большой резервный корпус в Адрианополе, чтобы он мог прикрывать Константинополь в случае отступления турецких войск через Балканы⁴⁰. Впоследствии частично этот отряд под командованием Сулейман-паши в течение июля—сентября 1877 г. был задействован в боях на Шипкинском перевале против российских войск. Затем в течение июля—августа 1877 г. под прямым руководством генерала Диксона велись активные работы по возведению укреплений и для установки артиллерийского вооружения около селения Булаир на Галлиполи⁴¹. Таким образом, в Англии действительно готовились к возможному столкновению с Россией, но, справедливости ради, стоит отметить, что британское правительство имело довольно непоследовательную позицию по этому вопросу, так как организация экспедиции, прежде всего, упиралась в финансовую составляющую.

К этому моменту полковник Р. Хоум уже подсчитал, что принятие адекватных мер для защиты Константинополя и удержания обеих сторон пролива Дарданелл будет стоить британской казне не менее 2, 5 млн фунтов стерлингов⁴². Также по оценкам Военного министерства Великобритании, чтобы фактически подготовить полностью укомплектованный английский корпус придется потратить более 12 млн фунтов стерлингов и еще 9 млн — для его мобилизации⁴³. Имея в виду эту информацию, торийское руководство закономерно сочло любое прямое вмешательство потенциально пагубным для Англии и рассматривало подобный сценарий развития событий только в качестве крайней меры. При этом неудачи российского оружия под Плевной летом—осенью

1877 г. окончательно убедили премьер-министра Дизраэли, что царские войска не смогут пересечь Балканы раньше весны 1878 г.

Тем не менее, после успешного завершения осады Плевны 10 декабря 1877 г., обманув ожидания и прогнозы англичан, российская армия героически пересекла Балканы и быстро продвинулась на турецкую территорию, взяв Софию, Филиппополь и Адрианополь, и к концу января 1878 г. оказалась в поле зрения Константинополя⁴⁴. В связи с этим 12 февраля 1878 г. из Лондона поступили четкие инструкции: вице-адмирал Дж. Хорнби, командующий британской эскадрой в Безикской бухте, должен был войти в Мраморное море⁴⁵, а 14 февраля генерал Диксон в качестве превентивных мер рекомендовал турецкому командующему в Дарданеллах Дауд-шаху разоружить форты на европейской стороне пролива, тяжелые орудия бросить в море, а боеприпасы и провиант перевести, при возможности, на азиатскую сторону или полностью их уничтожить, чтобы они не попали в распоряжение российской армии⁴⁶. Также он просил передислоцировать турецкие войска численностью 30 тыс. человек под командованием британских офицеров для обороны, подготовленных ранее Булаирских укреплений, чтобы предотвратить российские операции в заливах Сарос и Энос и в Мраморном море⁴⁷.

В то же время, по сообщениям А. П. Горлова, в Англии уже был сформирован план потенциальных боевых действий против России — одновременно в Европе и Малой Азии. Он писал, что повод для открытия вооруженной конфронтации поступит не от самой Великобритании, а от малых стран — Румынии, Греции или Сербии⁴⁸. Так, уже 4 апреля канцлер А. М. Горчаков сообщал, что румынское правительство выражало протест против 8 статьи Сан-Стефанского договора, по которой российские оккупационные войска в Болгарии должны были сохранять связь с Россией через Румынию и порты в Варне и Бургасе. Правительство князя Карла, по словам Горчакова, начинало искать поддержки великих держав и даже угрожало активным сопротивлением⁴⁹.

Согласно сведениям российского военного агента в Лондоне, высадка британских войск планировалась в трех точках: 1) в Греции — в Салониках; 2) в Турции — в Александретте (Искандерун. — А. А.), рядом с персидской границей; 3) на полуострове Галлиполи, под командованием лорда Р. Нэпьера, генерал-майора Г. Уолсли и генерал-лейтенанта Л. Симмонса соответственно. Александр Павлович докладывал, что англичане

рассчитывали объединиться с греческой армией и подтянуть британские резервные части в количестве 50 тыс. человек и «два войска милиции из Канады — 20 тыс. человек» на дальние берега Средиземного моря для боев на «Европейском участке», чтобы перерезать российские коммуникации на Балканах⁵⁰. Затем, со слов российского военного агента, британцы собирались организовать совместные свои и турецкие войска численностью до 100 тыс. человек под командованием генерала Г. Уолсли и полковника Ч. Гордона, которые намеревались оказывать давление «на нашу Малоазиатскую границу», то есть произвести наступление в турецкой Армении и российской Грузии⁵¹. Они, не атакуя царскую армию в Европейской части Турции, но удерживая ее энергичной обороной Дарданелло-Босфорской линии войсками под командованием генерала Симмонса, должны были ударить большими силами на Закавказье по Трабзон-Ванской линии, в то же время, совершая высадку десанта на определенных точках «Русского берега Черного моря»⁵². Для этого, в свою очередь, через Суэцкий канал были направлены англо-индийские войска для высадки в Александретте, «где они будут организованы совместно с курдами в особую армию», а войска из Мальты и Гибралтара собирались «перевести в Турецкий лагерь для операций на Кавказе»⁵³.

Затрагивая вопрос точности поставляемых сведений Александром Павловичем, необходимо обратиться к ряду источников. Исходя из представленного выше описания плана английского командования, возможности его сопоставления с данными исследований историка Э. Престона, появляются основания однозначно утверждать, что предложенный проект представлял собой компиляцию идей генералов Л. Симмонса и Г. Уолсли, которого назначали начальником штаба лорда Нэпьера⁵⁴. При этом в марте 1878 г. королева Виктория подписала приказ о призыве резервистов и формировании из них двух экспедиционных корпусов, а семь полков англо-индийской армии передислоцировали из Индии на остров Мальту⁵⁵. Также, согласно конфиденциальной переписке британского министерства иностранных дел, уже в конце марта оттоманские власти были готовы взять на себя обязательство, в случае необходимости, «мобилизовать, оснастить и поставить в распоряжение Ее Величества Королевы, в течение шести недель — 100 тыс. турецких солдат... и удвоить это число за следующие три месяца»⁵⁶. При этом выбор Александретты

в качестве места десантирования совпадал со сведениями А. П. Горлова за 1875 г., когда он докладывал о намерении англичан построить железную дорогу Скутари-Багдад, «как средство для скорого сообщения с Индией,... дающее возможность в случае войны с Россией сосредоточить английские и турецкие войска от Константинополя и от Бомбея, к Эрзеруму и верховьям Тигра и оттуда действовать против нашего Закавказья»⁵⁷.

В качестве ответных мер, военная партия при дворе императора настаивала на необходимости срочно предпринять действия для захвата Босфора и Константинополя, пока не стало слишком поздно. 30 марта 1878 г. генерал-лейтенант Н. Н. Обручев, ссылаясь на сведения А. П. Горлова, составил записку, представленную на совещании Александра II. В ней «русский Мольтке» вполне обоснованно утверждал, что Россия все еще сохраняла «над противниками громадное преимущество». «Турецкие войска еще слабы, не организованы. Первые подкрепления (английских войск. — А. А.) с острова Мальты могут прибыть не скорее 5—6 дней; более значительные силы из Англии едва ли подоспеют ранее 3—4 недель. Перевесом, который мы имеем, и надо безотлагательно пользоваться, чтобы произвести решительное давление на Порту»⁵⁸. При этом генерал-майор Горлов также считал, что даже после высадки десанта в течение первых трех недель в рядах викторианской армии «будет беспорядок большой», что давало потенциальную возможность российскому командованию нанести превентивный удар по противнику. «Всякое поражение в начале, — справедливо писал Александр Павлович, — сильно повлияет на дух английских войск»⁵⁹.

Тем не менее, несмотря на активное наращивание сил с обеих сторон, война так и не состоялась. В рамках Берлинского конгресса летом 1878 г. по пересмотру условий прелиминарного мира, подписанного в Сан-Стефано 3 марта того же года, находясь под огромным политическим давлением европейской коалиции, Россия была буквально вынуждена идти на серьезные уступки. На итоги конференции также не повлияла попытка царского правительства произвести демонстративный поход в Индию летом 1878 г., рекомендованный ранее А. П. Горловым, под командованием генералов К. П. фон Кауфмана и Н. П. Ломакина вместе с отправлением миссии Н. Г. Столетова в Афганистан. Даже наоборот, российский военный агент в Лондоне в своих рапортах отмечал, что «английское правительство узнало с радостью

о появлении русской миссии в Кабуле и предлог для покорения Афганистана был найден»⁶⁰.

Подводя итог деятельности А. П. Горлова и сыгранной им роли в событиях Восточного кризиса, безусловно, стоит отметить его огромное влияние на мнение военной партии при дворе Александра II. Д. А. Милютин, в свою очередь, в письме к императору от 19 октября 1878 г., выражал точку зрения, что «сообщения о плане действий Англичан в Малой Азии, имеют ныне лишь историческое знание, тем не менее, не бесполезно иметь в виду эти предположения при разработке нашего плана действий, на случай новой войны»⁶¹. В немалой степени именно точные подсчеты А. П. Горлова о численности военного контингента Великобритании и его локализации повлияли на отправку российской эскадры к берегам Северной Америки и инициацию демонстративного похода в Индию с целью изменить ход Берлинского конгресса. Несмотря на неудачное разрешение для России англо-русского конфликта в конце 70-х гг. XIX в., а именно, уменьшение территориальных приращений по итогам Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., подписание совместной оборонительной англо-турецкой конвенции 4 июня 1878 г., завоевание Англией Афганистана в 1878—1881 гг., повлиявшее на баланс сил в Центральной Азии, все же опыт этих событий и точные рапорты А. П. Горлова об английских планах позволили Российской империи в ближайшей перспективе усвоить уроки и искать новые пути для усиления своего влияния на Востоке.

¹ Пинк И. Б. Международные научно-технические связи в истории разработки стрелкового оружия в России (1830—1918 гг.), Т. 2018. С. 140—143.

² Buckle G. E. *Life of Benjamin Disraeli*. Vol. VI. L., 1902. P. 99.

³ Гелла Т. Н. Геополитические интересы Великобритании и английские политические партии в конце XIX — начале XX веков. О., 2009. С. 62.

⁴ Подробнее см.: Ильина Т. Н. Военные агенты и русское оружие. 2008. С. 364; Пинк И. Б. Указ. соч. С. 308;

⁵ Томили А. Р. Как агент Горлов предотвратил русско-британскую войну // [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2020/03/11/rodina-kak-agent-aleksandr-gorlov-predotvratil-russko-britanskuiu-voynu.html>; Томили А. Р. Русские военные агенты в Лондоне и методы их работы в 1875—1885 гг. // *Российская история*. № 6. 2020. С. 111—120.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 13.

⁷ Stead W. T. The M. P. (Member of Parliament) for Russia. Reminiscences & correspondence of madame Olga Novikoff. L., 1909. P. 297–305; Denison G. T. Soldiering in Canada: recollections and experiences. T., 1900. P. 212–213.

⁸ Чикалова И. Р. «Неофициальный агент русского правительства» в Лондоне // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 273.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 431. Оп. 1. 1875. Д. 47. Л. 47.

¹⁰ Там же. Л. 61 об. — 62.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² Там же. Л. 63.

¹³ РГВИА. Ф. 431. 1876. Д. 48. Л. 88–88 об.; Милютин Д. А. Дневник 1873–1882. Т. 2. М., 2016. С. 230.

¹⁴ The Political Diaries of the Fourth Earl of Carnarvon, 1857–1890. Camb., 2009. P. 281.

¹⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1877. Д. 4, Л. 230 об.

¹⁶ Preston A. Canada and the Russian crisis of 1878: a proposed contingent for imperial defence // The Dalhousie Review. Vol. 48. 1968. P. 185–186.

¹⁷ Sir E. Thornton to the Marquis of Salisbury, 6 May 1878 // The National Archives (United Kingdom). Public Records Office: Foreign Office (далее — PRO FO) 424/70. No. 460. P. 286–287.

¹⁸ Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 148.

¹⁹ РГВИА. Ф. 401, оп. 3/927. 1877. Д. 4. Л. 230 об.

²⁰ Милютин Д. А. Дневник 1873–1880. Т. 1. М., 2016. С. 369.

²¹ Colonel Wellesley to Lord A. Loftus, 21 March 1877 / PRO FO 424/50. No. 433. Encl. 1. P. 233.

²² Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 г. // Газенкампф М. И. Мой дневник. СПб., 1908. Прил. № 2, С. 2.

²³ Там же. С. 3.

²⁴ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1877. Д. 49. Л. 59.

²⁵ Алпеев О. Е. Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. // Сборник статей по материалам международной научной конференции. Сер. «Никитинские чтения “Славяне и Россия”». 2019. С. 120–136.

²⁶ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1877. Д. 4. Л. 1 об.

²⁷ Там же. Л. 122.

²⁸ The Diary of Gathorne Hardy, Later Lord Cranbrook, 1866–1892: Political Selections. Oxf., 1981. P. 319, 341, 348–349; The Derby Diaries, 1869–1878: A Selection from the Diaries of Edward Henry Stanley, 15th Earl of Derby, between September 1869 and March 1878 (Camden Fifth Series). Camb., 1996. P. 397, 510.

²⁹ Fraser T. Recollections with Reflections: A Memoir of a Scottish Soldier Family in Ireland from the Seventeenth Century. L., 1914. P. 282.

³⁰ Preston A. Canada and the Russian crisis of 1878... P. 185–186.

³¹ Captain Ardagh Report on the defensive position between Sea of Marmara and the Black Sea // PRO FO 424/38. No. 1. Inl. 1. P. 17.

³² Buckle G. E. Op. cit. P. 106; The Diary of Gathorne Hardy. P. 264.

³³ Colonel Home to the Inspector-General of Fortifications, 15 November, 1876 // PRO FO 424/38. No. 1. P. 8.

- ³⁴ Ibid. P. 9.
- ³⁵ Memorandum by the Inspector-General of Fortifications, 4 December 1876 // Ibid. P. 22.
- ³⁶ Memorandum by sir Lintorn Simmons, 9 January 1877 // Ibid. P. 100.
- ³⁷ Colonel Home to Mr. Jocelyn, 17 December 1876 // PRO FO 424/46. No. 474. Incl. 1. P. 303.
- ³⁸ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1877. Д. 4. Л. 94.
- ³⁹ Mr. Layard to the Earl of Derby, 25 May 1877 // PRO FO 424/52. No. 160. P. 96.
- ⁴⁰ Lieutenant-General sir C. Dickson to Mr. Layard, 29 May 1877 // Ibid. No. 173. Incl. 1. P. 106–107.
- ⁴¹ Mr. Layard to the Earl of Derby, 4 August 1877 // PRO FO 424/59. No. 73. P. 52.
- ⁴² Memorandum by Lieutenant-Colonel R. Home Concerning a British Occupation of Gallipoli and the Dardanelles, 12 January 1877 // Lee D. E. Great Britain and the Cyprus Convention Policy of 1878. Harv., 1934. P. 177.
- ⁴³ Schumacher L. R. A «Lasting Solution»: The Eastern Question and British Imperialism, 1875–1878. Thesis. 2012. P. 185–186.
- ⁴⁴ См. подробнее: Алпеев О. Е. Указ. соч. С. 121–125.
- ⁴⁵ Clowes W. L. The royal navy, a history from the earliest times to the present. Vol. VII. L., 1903. P. 295.
- ⁴⁶ Mr. Layard to the Earl of Derby, 17 February 1878 // PRO FO 424/68. No. 753. P. 355.
- ⁴⁷ Ibid. No. 758. P. 356–357.
- ⁴⁸ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1878. Д. 49. Л. 119.
- ⁴⁹ Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. II. Очерк политических событий с 28 декабря 1877 г. по 15 апреля 1878 г. СПб., 1900. С. 34.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 40 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 84 об.
- ⁵² Там же. Л. 77 об.
- ⁵³ Там же. Л. 15.
- ⁵⁴ Preston A. Frustrated Great Gamesmanship. Sir Garnet Wolseley's Plans for War against Russia, 1873–1880 // The International History Review. Vol. 2. № 2. 1980. P. 261–264.
- ⁵⁵ Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 158.
- ⁵⁶ Consul Reade to the Earl of Derby, 31 March 1878 // PRO FO 424/69. No. 28. P. 16.
- ⁵⁷ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1875. Д. 47. Л. 98–98 об.
- ⁵⁸ Особое прибавление... Вып. II. С. 103–104.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 41.
- ⁶⁰ Там же. Л. 75 об.; Подробнее об истории завоевания Афганистана Англией. см.: Сергеев Е. Ю. Указ соч.; Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.), Ташкент, 1969; Телла Т. Н. Указ. соч.
- ⁶¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 3/927. 1878. Д. 15. Л. 101.